

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

УГЛЕВА Наталья Владимировна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Отдела дерева и мебели
Государственного исторического музея
Москва, Российская Федерация

Natalia V. UGLEVA

Cand. Sci. (Museology, Conservation
and Restoration of Historical and Cultural Objects),
State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,

uglevan@ya.ru

ORCID: 0000-0003-4126-0338

УДК [645.412.1:929.731(470)“15/16”]:[93/94+7.072“18/20”]
ГРНТИ 13.51.09
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.008

**Атрибуция тронных кресел
царей Бориса Годунова
и Михаила Романова
в XIX — XXI веках: исторические
и искусствоведческие аспекты**

**Attribution of the Throne Chairs
of Tsars Boris Godunov and Mikhail
Romanov in the 19th–21st Centuries:
Historical and Art Historical Aspects**

Древние тронные кресла отечественных монархов из собрания Музеев Московского Кремля были неоднократно опубликованы на протяжении XIX — XXI вв., но и сегодня нельзя считать работу по их атрибуции законченной. Примером тому — о два древнейших артефакта — тронные кресла царей Бориса Годунова и Михаила Романова: вопрос определения времени и места их создания остается неразрешенным. Ошибка исследователей заключается в том, что их внимание сосредоточено на ювелирном декоре предметов, не был применен метод описания и анализа художественных и технических приемов изготовления артефактов в целом, а также архивная документация изучена в недостаточной степени. По мнению автора, упомянутые

предметы являются образцами персидской работы XV–XVI вв., в то время как прежде кресло царя Бориса Годунова датировалось 1603–1605 гг., а атрибуция принадлежавшего царю Михаилу Романову варьировалась между второй половиной XVI — первой третью XVII вв., причисляя изделие к московской или иранской работе.

Ключевые слова: тронные кресла, царь Борис Годунов, царь Михаил Романов, атрибуция, Государственный исторический музей, Москва.

Как важнейшее государственное явление российская коронация во все периоды отечественной истории осуществлялась в Московском Кремле. Эта традиция осталась и после 1712 г. — времени, когда большинство императорских резиденций стало размещаться в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Использувавшиеся для коронации царские регалии по-прежнему хранились в Москве, в Оружейной палате. Здесь же находилось имущество древних монархов, в том числе тронные кресла — неотъемлемый атрибут не только обрядов принятия власти, но и особо важных государственных официальных приемов.

Известно, что в период правления императора Петра I кремлевские троны перевозили в Санкт-Петербург и обратно на время проведения важных аудиенций — для подтверждения их значимости. Однако постоянным местом их хранения оставался Московский Кремль.

И сегодня именно здесь находятся первые тронные кресла, которые вошли в собрание Музеев Московского Кремля. Они были неоднократно опубликованы, однако до сегодняшних дней нельзя считать работу по их атрибуции законченной. Авторы, обращавшие внимание на эти памятники с XIX в., в первую очередь, как на значимые мемории с дорогостоящей ювелирной составляющей декора, по сие время не находят общей позиции в определении точной датировки, а порой и источника поступления этих уникальных предметов. Следует отметить, что нет ни одного исследования, повествующего о комплексном их изучении, подразумевающим не только цитирование уже неоднократно упомянутых предшественниками архивных документов, описание внешней части, которое сводится к перечислению и анализу

драгоценных материалов, но и о конструкции, ее деталях, скрытых металлических и тканевыми покрытиями. Кроме того, эти памятники на протяжении столь длительного времени никогда не рассматривались с точки зрения произведений мебельного искусства, не осуществлялось попыток «встроить» их в линию развития стилей. Наша статья — первый шаг в этом направлении.

Наиболее раннее по времени поступление в кремлевское имущество кресло — это тронное кресло царя Бориса Годунова, которое, как считается, было получено в начале XVII в. в составе посольских даров от шаха Аббаса I. Обычно оно соотносится с предметом, именуемым в архивных документах как «место персицкое». Именно так оно упоминается в «Описи Большому государеву наряду в Государевой большой казне царя Михаила Федоровича 7150 г. (1642. — Н. У.)»: «...Место персицкое оправлено золотом с камнем с бирюзами и с винисами с жемчужки подволочено¹ [17, с. 239] бархатом цветными по серебряной земле внутр. и с исподу. И из нево вынята притворе бирюза большая и отдана в серебряной прикас да мелких камешков и жемчужков и во многих местех» [11, с. 52].

При исследовании архивных источников становится очевидным, что в них отсутствует описание формы или каких-либо других ярких признаков, присущих только этому предмету и позволяющих идентифицировать его с ныне существующим артефактом. Вся характеристика сводится лишь к обозначению тканей и ювелирных материалов, использованных при изготовлении декора, где упомянуты некие камни, жемчуг, бирюза и венисы² [3, с. 180].

¹ Подволочено — обито изнутри.

² Вениса — ископаемое из числа честных камней, полупрозрачное, самого темного красного цвета; гранат.

В словаре русского языка XI—XVII вв., «виниса» [15, с. 180] — «название драгоценного камня». В качестве объяснения этого геммологического термина использована цитата из Торговой книги XVII в., в которой древний автор предостерегает от возможной ошибки при распознавании камня, чтобы не спутать его с более дорогой шпинелью: «А берегите того чтобы вам винисы за лал³ не продали, а виниса камень красен, а цвет жидок у нево».

Другие словари (Брокгауза и Ефрона, В. Даля) определяют «венису» как «гранат». В качестве используемого для украшения кресла материала в современных публикациях, наряду с перечисленными в древнем описании жемчугом и бирюзой, обозначены рубины и турмалины [1, с. 68], а упоминания о венисах-гранатах отсутствуют.

В сообщении послу Священной Римской империи тронное кресло описывается как «место царское золото с лалы и с яхонты⁴ [3, с. 703] и с иным дорогим камнем...» [18, с. 111], то есть по-прежнему уделяется внимание только драгоценной отделке кресла, в частности, упоминаются золото, шпинель, рубины или сапфиры и некие другие драгоценные камни.

По нашему мнению, такое разночтение можно объяснить характером приведенных источников, первый из которых относится к учетным записям, требующим четкости и объективности, второй — к дипломатической информации, допускающей некоторое преувеличение. Может быть и еще одна причина, заключающаяся в том, что речь в приведенных текстах идет о разных предметах.

Как мы видим, перечень камней драгоценного убора, почерпнутый из архивных материалов, несколько отличается от минералов в составе декора трона, описанных нынешними исследователями. Нет определенности и в вопросе времени его поступления. Обычно эта дата связывается с 1604 г. [1, с. 68], хотя «Реестр царских регалий, а также зо-

лотой и серебряной посуды...», составленный в 1776—1778 гг., фиксирует появление трона в ряду подношений 1603 г.: «Кресла, оправленные золотом... Одно — царю Борису Федоровичу Годунову от персидского шаха Абасса Первого в 7111 / 1603 г. ...» [10, с. 48]. В книге описания кремлевского имущества А. Ф. Машиновского [5, с. 114] этот предмет считается приобретением 1605 г.

Не сформировано общее мнение и по датировке памятника. В различных изданиях она варьируется: до 1604 г. [20, с. 44], XVI в. [6, с. 32], конец XVI в. [12, с. 51], конец XVI — начало XVII в. [1, с. 68].

Из приведенного выше очевидно, что кресло требует пристального изучения. Для решения некоторых вопросов следует обратиться к анализу его формы и характера декора, учитывая при этом ряд реставрационных вмешательств — появление фиал фасада [5, с. 115] и замена обивки, неоднократно отмеченная исследователями [2, с. 168].

Кресло ящичной конструкции имеет прямоугольное жесткое сиденье и трапециевидную со скругленным завершением верхнего края спинку, закрепленную между двумя прямоугольными в сечении устоями, увенчанными фиалами. Подлокотники, завершающиеся в верхней части фиалами, выполнены в виде прямоугольных панелей с понижающимся от спинки к передним брускам опоры краем. Спинка, сиденье и внутренняя часть подлокотников задрапированы синей тканью с полихромными изображениями стилизованных цветов, расположенных симметрично относительно центральной вертикали. Царговая часть имеет декоративную трехчастную прорезь с заостренными концами и вытянутую по вертикали, с волнистой линией края. Ножки являются продолжением вертикальных брусков опорной конструкции и соединены панельной проножкой, образующей стрельчатую двухступенную арку.

Снаружи предмет отделан золотыми пластинами, на которых в высоких кастах закреплены чередующиеся по цвету драгоценные камни и жемчуг, образующие горизонтальные и вертикальные ряды.

Анализ внешнего облика предмета позволяет отнести его форму к категории

³ Лал — благородная шпинель, драгоценный камень, по цвету близкий к рубину, но уступающий ему по твердости и блеску.

⁴ Яхонт (лал, рубин) — яхонт червчатый, красный — собственно рубин; яхонт голубой, синий — сапфир.

синтетической, то есть разработанной под воздействием различных художественных направлений.

Всеми исследователями этого артефакта безоговорочно транслируется восточное происхождение трона, из-за связи его появления с дипломатическим даром персидского шаха Аббаса I. Однако исламская культура, впитавшая достижения завоеванных народов и сопредельных государств, к рассматриваемому периоду еще не восприняла традицию широкого использования в интерьере мебели, в том числе и кресел.

Так, по мнению известного исследователя истории мебельного искусства Д. Кеса, «в жизни мусульман мебель играла незначительную роль. Они не нуждались в мебели для сидения: по восточному обычаю, мусульмане сидели на коврах или подушках...» [4, с. 64]. Именно этим объясняется необходимость заимствования из Европы приемов мебельного производства, и прежде всего именно формы. Так, рисунок спинки с округлым верхним краем, линия подлокотников, понижающаяся от спинки к фасаду, манера акцентирования угловых устоев декоративным навершием находят аналогии в византийском и романском искусстве, к которым по ряду отдельных признаков можно отнести кресло епископа Максимиана Равеннского VI в. или епископское место из базилики св. Николая в Бари 1098 г.

Использование среди декоративных элементов ярко выраженных фиал (считающихся поздним включением в убранство), находящихся на спинке и гармонично встроенных в убранство предмета, демонстрирует влияние высокой готики XV–XVI вв., которая в этот период получила наибольшее распространение в ряде стран Европы.

Отделка внешней стороны корпуса множеством полихромных камней, зафиксированных на золотой основе, связывается многими исследователями с восточной традицией. Этот атрибуционный признак нельзя считать вполне корректным, так как подобная практика художественного оформления мебели была широко известна с древнейших времен и на территории Европы. Одно из свидетельств тому — золотой трон византийского императора Юстиниана II (669–711) «с ки-

ворию над ним из чистого золота с драгоценными камнями» [13, с. 52].

Безусловно, к восточному вкусу относится широкая килевидная арка с уступом, выполняющая функцию проножки кресла. Опоры с аналогичным рисунком широко использовались в мусульманской мебели⁵ [4, с. 65].

Если предположить, что кресло выполнено по конкретному заказу непосредственно перед отправлением посольства в Москву, то дата его создания может определяться рубежом XVI–XVII вв.

Но кресло могло быть выполнено и ранее, так как практика поднесения уникальных сокровищ из древних хранилищ в знак особого уважения не менее известна. Она имеет прямое отношение и к исследуемому креслу. В статье Т. В. Филатовой «Трон царя Михаила Федоровича в собрании Оружейной палаты» приводится информация о подарках — «любительных поминках», привезенных Лачин-беком царю Борису Годунову от шаха Аббаса I: «А для чести к царского величества прислал к великому государю нашему, место царское золото с лалы и сяхонты и с иным дорогим камнем прежних великих государей персидских» [18, с. 111].

Приведенная цитата подтверждает предположение, что упомянутое кресло является древним раритетом, хранившимся на протяжении длительного времени в сокровищнице шаха. Еще одно прямое подтверждение — упомянутый прежде факт замены иранского бархата на французский, который мы и сегодня видим практически в аутентичном состоянии, хотя замена обивки была осуществлена более 270 лет назад, в 1742 г., во время подготовки торжеств по случаю восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны. Если брать во внимание крайне редкое использование предмета, которое ограничивалось лишь представительской функцией в момент коронации, сложно представить, что первоначальная обивка при исходном высочайшем качестве материала была изношена до ветхости. Это могло произойти лишь в случае ее значительного возраста, относящегося

⁵ Например, шкаф для Корана турецкой работы.

ся к XV—XVI вв. Ответ на этот вопрос можно найти при деликатном частичном демонтаже французской обивки в условиях реставрационной мастерской, так как часто старую ткань не снимали, а перекрывали сверху новой.

Подводя итог, следует отметить, что, по нашему мнению, совокупность всех перечисленных визуальных признаков позволяет атрибутировать кресло как образец персидской работы XV—XVI вв., в создании художественного образа которого явно прослеживается использование европейского наследия—романского и готического искусства.

Следующий по времени приобретения в царское имущество предмет, находящийся ныне в собрании Музеев Московского Кремля,— тронное кресло, которое связывается с именем царя Михаила Федоровича [7, витр. 47]. В литературе оно также известно как «Кресло которое в Соборе Успения Богородицы на троне стояло» [9, с. 5] и «Кресла бывшие в соборе на троне» [8, илл. 8]. Впервые этот предмет был соотнесен с персоной первого русского царя из династии Романовых в 1807 г. [5, с. 119] и именно в таком качестве неоднократно использовался в церемониях коронации XVIII — начала XX в.

Мнения о его атрибуции крайне противоречивы и представлены в ряде вариантов: образец работы Мастерских Московского Кремля XVII в., в декоративном решении которого использованы драгоценные пластины иранского производства предположительно XVI в.; Иран, Исфахан, вторая половина XVI в. (?) [2, с. 203]; произведение иранских придворных мастеров первой трети XVII в. [18, с. 108].

Не находят общего мнения специалисты и по поводу аутентичности его состояния и включения в авторское решение возможных поздних переделок предмета. Так, одни считают, что он сохранен в первоначальном варианте [18, с. 108], другие предполагают наличие некоторых изменений [2, с. 200]. Например, очевиден возникающий вопрос об аутентичности двух самых крупных камней, расположенных на передней царге и зарисованных еще в 1830—1840-х гг. Ф. Г. Солнцевым [14, илл. 59]. Если принять как достоверную фиксацию внешнего вида предмета в коронационных альбомах императриц Анны Иоан-

новны [9, с. 5], Елизаветы Петровны [8, илл. 8] и в книге А. Ф. Малиновского «Историческое описание древняго российского музея...» [5, с. 117], обнаружатся значительные расхождения: вместо ромбовидных кабошонов фасад украшает минерал в уступчатой оправе более скромных размеров, возможно с фасетной огранкой. Сомнение в первоначальном наличии этих крупных камней выражает и И. И. Вишневецкая [2, с. 202], справедливо относя их к нехарактерным элементам ювелирного искусства Персии XVI—XVII вв. Она же отмечает и более позднее происхождение серебряного двуглавого орла на спинке, встроенного в структуру декора в XVII столетии.

Кроме того, до сих пор в публикациях присутствуют разночтения в наборе камней, использованных в декоративном оформлении трона. В аннотациях к памятнику они определяются как «драгоценные и полудрагоценные камни, жемчуг» [2, с. 199], «камни драгоценные, жемчуг» [7, витр. 47], а в исследовательских текстах соотносятся, например, с цитатой из коронационного альбома императора Николая II 1896 г.: «до 7 тысяч штук бирюзы и до 3 тысяч яхонтов, сапфиров, жемчугов и других драгоценных камней» [18, с. 108]. Основываясь именно на описании ювелирного «репертуара», исследователи пытаются выявить источник поступления трона.

Автор исторического эссе об этом раритете Т. В. Филатова считает: «Несмотря на то, что трон русского государя всегда занимал одно из наиболее высоких мест в церемониальной жизни двора, история трона царя Михаила Федоровича и обстоятельства его появления в казне загадочны и неоднозначны» [18, с. 108].

Путь сопоставления архивных источников с предметом не дает достаточных оснований для его идентификации. Так, предположение о преподнесении трона в ряду даров 1629 г. от шаха Аббаса послом Маметом Селибеком [18, с. 108] вызывает сомнение. Это связано с тем, что в реестре «Дополнение к дворцовым разрядам» указано: «Место царское креслами оправлено в золото с камнем, с яхонты, и с лалы, и с бирюзами, и с искорками яхонтовыми, и лальными, и с бирюзами...» [18, с. 108], при этом нет упоминания

о жемчуге, и сегодня включенном в декоративный строй памятника. Трудно предположить, что этот ювелирный материал, считавшийся крайне ценным, был пропущен в описании по ошибке, так как подобные перечни предполагали точность инвентарных документов и часто содержали стоимость, которая в данном случае исчислялась 2815 рублями.

Невольно возникает предположение, что тронное кресло имеет пару. Это — кресло царя Алексея Михайловича, поскольку внешне эти предметы необычайно схожи и выглядят комплектом, где при общей логике формообразования несколько различаются лишь манеры декоративного оформления. Еще одно наблюдение заключается в том, что описание ювелирного декора кресла царя Алексея Михайловича 1660 г. более соответствует украшениям тронного сидалища его предшественника: «Кресла оправлены золотом с камнями и с алмазы и с яхонты и с земчуги. По оценке 22,58 (перечеркнуто косой линией сверху вниз слева направо. — Н. У.) 91 20 алтын» [11, с. 52].

Возникшая гипотеза подтверждается разъяснением слова «кресла» в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», где оно трактуется как множественное число от слова «кресло» [16, с. 39]. Следовательно, кресел могло быть как минимум два. Разрешение вопроса лежит в области углубленного изучения источников с учетом контекста оценки драгоценных материалов.

Внимательный визуальный анализ особенностей памятника позволяет причислить его к произведениям, художественный образ которых сформировался под воздействием ренессансной традиции, вошедшей в моду в Европе в XV—XVI вв. под воздействием творчества итальянских мастеров. В мебельном производстве в этот период был выработан новый принцип создания облегченной конструкции, которая формировалась из рам, что явно реализовано в исследуемом предмете. Следует отметить, что именно в период Возрождения появились удлиненные подлокотники в форме четырехгранного уплощенного бруска, выдающиеся за проекцию сиденья и сходные с аналогичными деталями трона русского царя.

Еще одна его яркая черта, отразившаяся в художественной манере оформления

кресла, которую стоит выделить как характерную особенность именно этого объекта, заимствованную из практики мебельщиков Возрождения, — введение в композиционное решение кессонов. Этот прием дал возможность создать широкую царгу, таким образом увеличить площадь корпуса для значительного расширения площади поверхности, явно предназначенной для размещения на ней богатого ювелирного декора. По нашему мнению, анализ внешнего облика предмета дает основание полагать, что время его происхождения следует определить периодом господства Ренессанса в Европе, то есть XV—XVI вв.

Следует констатировать, что на сегодняшний день практически совсем неисследованной остается живописная составляющая декора трона, нижняя часть ножек и задняя проножка которого расписаны в подражание ювелирному обряду. Такое решение могло восполнить утраченное художественное убранство памятника или являлось первоначальным, но со временем было скрыто драгоценными металлами и камнями. Кстати, аналогичный прием оформления почти тех же деталей использован в решении кресла царя Алексея Михайловича иранской работы. Если принять это за авторский почерк, то происхождение трона царя Михаила Федоровича можно считать иранским. Уникальной возможностью разрешить этот вопрос с наибольшей точностью является анализ состава красочного слоя обоих предметов, а также привлечение с этой же целью атрибутированных образцов аналогичного времени создания.

В заключение считаем необходимым привести высказывание об этом тронном кресле исследователя кремлевских памятников А. Ф. Малиновского, которое и сегодня, спустя более чем 200 лет, остается актуальным: «Ни в каких записках и книгах Палатского Архива не значится, откуда поступили сии кресла. Должно думать, что они нарочно по повелению Государя либо в России, либо в иностранной земле сделаны» [5, с. 119].

Подводя итог, подчеркнем: очевидно, что на сегодняшний день требуется комплексное изучение тронных кресел, о которых шла речь в данной статье. Оно должно вестись в нескольких направлениях, включая

углубленные поиски новых архивных источников, привлечение современных методов и технологий исследования, а также применение традиционных способов обследования, позволяющих выявить различные особенности предметов и наконец определить породу дерева, из которых они изготовлены. В отли-

чие от многократно перечисленных драгоценностей, этот главный материал, составляющий каркас-основу, по сей день остается неизвестным. Такие данные крайне значимы для определения региональных признаков и конкретизации времени изготовления памятников.

Natalia V. UGLEVA

Cand. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects),
State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,
uglevan@ya.ru
ORCID: 0000-0003-4126-0338

Attribution of the Throne Chairs of Tsars Boris Godunov and Mikhail Romanov in the 19th–21st Centuries: Historical and Art Historical Aspects

Abstract. The article examines two ancient throne chairs of Russian monarchs from the collection of the Moscow Kremlin Museums: the chair of Tsar Boris Godunov, which is believed to have been received at the beginning of the 17th century as part of the ambassadorial gifts from Shah Abbas I, and the chair which researchers associate with the name of Tsar Mikhail Fyodorovich. The aim of the article is a comprehensive study of these objects based not only on their external description, but also on the identification of their structure, parts hidden by metal and woven coatings. In addition, for the first time, the author considers the chairs as pieces of furniture art, trying to “embed” them into the line of the development of artistic styles. In the course of the research, the method of description and analysis of artistic and technical methods of making artifacts, methods of comparative analysis and interpretation of historical sources were applied. The materials of the study were archival documents, published sources and the results of research by Russian historians and museologists. Various historical evidence about the investigated artifacts and views on their dating, reflected in documents and research works, is analyzed. The author compiled descriptions of the throne chairs and made assumptions about the possibility of a later change in their appearance. The analysis of the form and decor made it possible to attribute the throne chair of Tsar Boris Godunov as an example of a Persian work of the 15th–16th centuries; the use of European heritage is clearly traced in the creation of its artistic image. The attribution of the chair of Tsar Mikhail Fyodorovich cannot be considered final, because today there are several versions of it (a sample of the work of the Moscow Kremlin Workshops of the 17th century, precious plates of Iranian production of, presumably, the 16th century were used in its decoration; Iran, Isfahan, second half of the 16th century (?); work of Iranian court masters of the first third of the 17th century). This throne chair presumably has a pair – the chair of Tsar Alexei Mikhailovich: outwardly these objects are remarkably similar and look like a set, in which, with the general logic of shaping, only the manner of decoration is somewhat different. The visual analysis of the monument allows classifying it as a sample of Persian work, made under the influence of the Renaissance art, which spread from Italy to Europe in the 15th–16th centuries. The need to study these rarities with the use of modern technologies and research methods is emphasized.

Keywords: throne chairs, Tsar Boris Godunov, Tsar Mikhail Romanov, attribution, State Historical Museum, Moscow.

Использованная литература:

1. Венчания на царство и коронации в Московском Кремле: В 2 ч. М.: АзБука, 2013. Ч. I.
2. Вишневецкая И.И. Ювелирные изделия и тореvetica Востока // Сокровища Оружейной палаты. Посольские дары. М.: Красная площадь, 1996. С. 199-227.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 1.
4. Кес Д. Стили мебели. М.: Книга по Требованию, 2001. С. 64.
5. Малиновский А.Ф. Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающейся. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1807.
6. Мартынова М.В. Регалии царя Михаила Федоровича. М.: АзБука, 2003.
7. Музеи Московского Кремля. Оружейная палата, экспозиция. Витрина 47. Троны XVII в. [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля. URL:// <http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-47-trony-pervykh-tsarey-dinastii-romanovykh-xvii-vek/> (дата обращения 22.06.2017).
8. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея августейшего императорского величества всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть {которое было} вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: печ. при Императорской акад. наук, 1744.
9. Описание коронации ея величества императрицы, и самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году М.: Сенатская тип., 1730.
10. Описи Мастерской палаты (1727–1810 гг.) // Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Документы XVIII–XIX вв. бывшего Архива Оружейной Палаты. Описал Архивариус Московского Общего Архива Министерства Императорского двора Александр Успенский. М.: Печатня А.И. Снегирева, 1906. С. 25-64.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 6.
12. Сайт Музеев Московского Кремля, витрина 51 [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля. URL: <http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-51-trony-xvi-veka/> (дата обращения 01.05.2017).
13. Соболев Н.Н. Стили в мебели. М.: Академия архитектуры, 1939.
14. Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. М.: в Тип. Александра Семена, [1849–1853]. Отд-е 2.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М.: Наука, 1989.
18. Филатова Т.В. Трон царя Михаила Федоровича в собрании Оружейной палаты // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 24. М.: б.и., 2014. С. 108-118.
19. Чернуха Э.П. Коллекция тронов // Оружейная палата Московского Кремля. М.: б.и., Слово, 2006. С. 43-54.

References:

1. Amelekhina, S.A., Bobrovnikskaya, I.A. & Morshakova, E.A. (2013) *Venchaniya na tsarstvo i koronatsii v Moskovskom Kremlе: V 2 ch.* [Coronations in the Moscow Kremlin: In 2 Parts]. Pt. 1. Moscow: AzBuka.
2. Vishnevskaya, I.I. (1996) *Yuvelirnye izdeliya i torevtika Vostoka* [Jewelry and Toreutics of the East]. In: Vishnevskaya, I.I. et al. *Sokrovishcha Oruzheynoy palaty. Posol'skie dary* [Treasures of the Armory. Ambassadorial Gifts]. Moscow: Krasnaya ploshchad', pp. 199–227.
3. Dal', V.I. (1935) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat.
4. Kees, D. (2001) *Stili mebeli* [Furniture Styles]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.
5. Malinovskiy, A.F. (1807) *Istoricheskoe opisaniye drevnego Rossiyskogo muzeya, pod nazvaniem Masterskoy i Oruzheynoy palaty v Moskve obretayushcheyasya* [Historical Description of the Ancient Russian Museum Called the Workshop and Armoury Chamber Located in Moscow]. Moscow: Imperial Moscow University.
6. Martynova, M.V. (2003) *Regalii tsarya Mikhaila Fedorovicha* [Regalia of Tsar Mikhail Fyodorovich]. Moscow: AzBuka.
7. Museums of the Moscow Kremlin. (2017) *Oruzheynaya palata, ekspozitsiya. Vitrina 47. Trony XVII v.* [The Armory Chamber. Exposition. Showcase 47. Thrones of the 17th Century]. [Online] Available from:// <http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-47-trony-pervykh-tsarey-dinastii-romanovykh-xvii-vek/> (Accessed 22.06.2017).
8. Anon. (1744) *Obstoyatel'noe opisaniye torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnogo vshestiya v tsarstvuyushchiy grad Moskvu i svyashchenneyshogo koronovaniya eya avgusteyshego imperatorskogo velichestva vsepresvetleyshey derzhavnayshey velikoy gosudaryni imperatritsy Elisavet Petrovny samoderzhitsy vsersoysskoy, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda* [A Detailed Description of the Solemn Orders for the Safe Entry into the Capital City, Moscow, and the Most Sacred Coronation of Her August Imperial Majesty, the All-Blessed Sovereign Empress Elizabeth Petrovna, the All-Russian Autocrat, the Entry being on February 28, 1742, and the Coronation on April 28, 1742]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
9. Anon. (1730) *Opisaniye koronatsii eya velichestva imperatritsy, i samoderzhitsy vsersoysskoy, Anny Ioannovny, torzhestvenno otpravlennoy v tsarstvuyushchem grade Moskve, 28 aprelya 1730 godu* [Description of the Coronation of Her Majesty the Empress and Autocrat of All Russia, Anna Ioannovna, Solemnly Held in the Capital City, Moscow, on April 28, 1730]. Moscow: Senatskaya tip.
10. Uspenskiy, A. (1906) *Opisi Masterskoy palaty (1727–1810 gg.)* [Inventories of the Workshop Chamber (1727–1810)]. In: *Zapisnye knigi i bumagi starinnykh dvortsovykh prikazov. Dokumenty XVIII–XIX vv. byvshego Arkhiva Oruzheynoy Palaty. Opisal Arkhivarius Moskovskogo Obshchego Arkhiva Ministerstva Imperatorskogo dvora Aleksandr Uspenskiy* [Notebooks and Papers of Ancient Palace Orders. Documents of the 18th–19th Centuries of the

Former Armoury Archive. Described by Alexander Uspensky, the Archivist of the Moscow General Archives of the Ministry of the Imperial Court]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegireva. pp. 25–64.

11. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 396. List 2. Part 1. File 6.

12. Museums of the Moscow Kremlin. (2017) *Vitrina 51* [Showcase 51]. [Online] Available from: <http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-51-trony-xvi-veka/> (Accessed 01.05.2017).

13. Sobolev, N.N. (1939) *Stili v mebeli* [Styles in Furniture]. Moscow: Akademiya arkhitektury.

14. Solntsev, F.G. (1849–1853) *Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva* [Antiquities of the Russian State]. Vol. II. Moscow: v Tip. Aleksandra Semena.

15. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

16. Filin, F.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 8. Moscow: Nauka.

17. Smolitskaya, G.P. (ed.) (1989) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 15. Moscow: Nauka.

18. Filatova, T.V. (2014) Tron tsarya Mikhaila Fedorovicha v sobranii Oruzheynoy palaty [The Throne of Tsar Mikhail Fyodorovich in the Collection of the Armoury Chamber]. In: Batalov, A.L. (ed.) *Muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya* [Museums of the Moscow Kremlin. Materials and Research]. Vol. 24. Moscow: [s.n.], pp. 108–118.

19. Chernukha, E.P. (2006) Kolleksiya tronov [Collection of Thrones]. In: *Oruzheynaya palata Moskovskogo Kremlya* [The Armoury Chamber of the Moscow Kremlin]. Moscow: Slovo. pp. 43–54.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Углева, Н. В. Атрибуция тронных кресел царей Бориса Годунова и Михаила Романова в XIX — XXI веках: исторические и искусствоведческие аспекты / Н. В. Углева // *Наследие веков*. – 2021. – № 1 – С. 100–108. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.008

Full bibliographic reference to the article:

Ugleva N. V. (2021) Attribution of the Throne Chairs of Tsars Boris Godunov and Mikhail Romanov in the 19th–21st Centuries: Historical and Art Historical Aspects. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 100–108. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.008